

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ЦЕНТРАЛЬНУЮ И ВОСТОЧНУЮ БУХАРУ ВЪ 1886 ГОДУ.

Н. Н. Покотило.

(Сообщеніе въ соединенномъ засѣданіи Отдѣленій Географіи Математической и
Географіи Физической 28 ноября 1889 г.).

Въ апрѣлѣ 1886 года генералъ-маіоръ Гродековъ, временно исправлявшій въ ту пору должность Туркестанскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками округа, командировалъ меня изъ Ташкента въ Бухарское ханство.

Въ данномъ мнѣ предписаніи были поставлены слѣдующія цѣли: 1) сборъ статистическихъ и географическихъ свѣдѣній въ центральной части ханства, наиболее богатой естественною производительностью, и 2) въ виду современнаго тогда вопроса по разграниченію съ Афганистаномъ, я долженъ былъ возможно точнѣе ознакомиться съ распредѣленіемъ территоріи эмировъ Бухарскаго и Афганскаго въ верховьяхъ Пянджа.

Южной границей Бухары всегда считались р. Аму-дарья и Пянджъ, но незадолго до моей командировки россійскій политическій агентъ въ Бухарѣ камеръ-юнкеръ Чарыковъ узналъ, что нѣкоторые поселки, расположенные и на лѣвомъ берегу, въ верховьяхъ Пянджа, находятся въ фактическомъ подчиненіи правительству Бухарскаго эмира; свѣдѣнія эти были однако сбивчивы и мало опредѣленны. Я долженъ былъ ихъ провѣрить и пополнить на мѣстѣ.

Въ мое распоряженіе назначался классный военный топографъ

Глагольевъ, который между прочимъ, долженъ былъ пополнить пробѣлы прежнихъ топографическихъ съемокъ въ предѣлахъ пройденнаго нами района.

Послѣдніе сборы въ дорогу были окончены въ Самаркандѣ, откуда мы выступили 12-го апрѣля и, переваливши Шааръ-Саабизскій хребетъ ¹⁾ черезъ перевалъ Тохти-Карага (5500 футъ), вступили 13-го апрѣля въ предѣлы ханства.

Конвой нашъ составляли 3 уральскихъ казака; кромѣ того мы наняли двухъ переводчиковъ, туземнаго писаря (мирзу) и джигита въ качествѣ прислуги; всѣхъ лошадей съ нами было 15, изъ нихъ 5 вьючныхъ.

Бухарскій эмиръ былъ увѣдомленъ заранѣе о нашемъ путешествіи съ просьбой отъ имени Туркестанскаго генералъ-губернатора оказывать намъ возможное содѣйствіе. Просьба эта была выполнена съ поразительной любезностью: можно съ увѣренностью сказать, что если бы не услуги бухарскихъ властей, намъ трудно было бы проникнуть въ тущобы Дарваза.

За время своей пятилѣтней службы въ Туркестанскомъ военномъ округѣ, я былъ въ Бухарскомъ ханствѣ нѣсколько разъ, сдѣлалъ тамъ верхомъ въ сложности около 3600 верстъ и смѣло могу доложить, что путешествовать по Бухарѣ несравненно легче, чѣмъ по нашимъ Туркестанскимъ владѣніямъ: довольствіе для людей и лошадей вездѣ выставлялось по приказанію и на средства эмира; во время описываемаго путешествія, по пустынной дорогѣ, въ углу между Вакшемъ и Пянджемъ, на протяженіи ста верстъ, за нами гнали верблюдовъ со всѣмъ довольствіемъ на пять дней; по берегу Пянджа въ Дарвазѣ, гдѣ ни за какія деньги нельзя достать мяса, бухарцы гнали барановъ, при чемъ серьезно боялись жалобъ съ нашей стороны, что нѣтъ у нихъ рису; иногда, на трудныхъ перевалахъ, командировалось въ помощь до 40 человѣкъ, которые переносили вещи, помогали идти людямъ, а нѣкоторыхъ, какъ напри-
мѣръ состоявшаго при мнѣ бухарскаго чиновника, который боялся

¹⁾ До сихъ поръ упомянутый хребетъ (отрогъ Гиссарскаго), какъ равно и одноименное съ нимъ бекство (губернія) принято у насъ называть, видимо совершенно ошибочно, Шахри-Зябсъ, въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ приходилось встрѣчать даже Шахри-Зебсъ; такого названія не существуетъ. Долина Кашкадарьи съ городами Шааръ, Китабъ и Якабагъ, составляющими почти одинъ большой поселокъ, называется туземцами Шааръ-Саабизъ, въ переводѣ городъ зелени. Названіе это при скороговоркѣ имѣетъ нѣкоторое сходство съ исковерканнымъ нами Шахри-Зябсъ.

горъ, или перевозили на плечахъ, или переносили на рукахъ. За всѣ эти услуги можно было отплачивать только подарками въ видѣ халатовъ, такъ какъ, въ силу крайне неудобнаго обычая, уплата деньгами считается оскорбительнымъ нарушеніемъ восточнаго гостепріимства; съ трудомъ удалось настоять, чтобы въ Дарвазѣ просторабочіе брали извѣстную плату за свой трудъ.

Къ сожалѣнію, нужно сознаться, что бухарское гостепріимство всею тяжестью ложится на низшее сословіе, крайнихъ бѣдняковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ источникомъ наживы для бухарскихъ чиновниковъ: волостной управитель (амлякдаръ), вмѣсто того чтобы купить, какъ того требуетъ эмиръ, прикажетъ все нужное доставить даромъ, а счетъ составить какой ему угодно и деньги получить сполна отъ правительства, да кромѣ того и русскій тюря (господинъ) преподнесетъ ему въ благодарность халатъ; обиженный же не смѣетъ пожаловаться, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ амлякдаръ окажется правъ, а пострадавшій бѣднякъ легко можетъ, при несчастномъ стеченіи обстоятельствъ, лишиться собственной головы, если только представятъ дѣло въ смыслѣ неповиновенія приказу эмира).

Такимъ образомъ путешествіе въ Бухарскомъ ханствѣ очень своеобразно:

Всякій русскій, отправляющійся туда, долженъ мѣнять деньги на разнаго рода подарочныя вещи, которыя очень цѣнятся туземцами и охотно принимаются, деньги же въ чистомъ видѣ въ рукахъ русскаго теряютъ все свое значеніе.

При изученіи Бухарскаго ханства всего удобнѣе дѣлить его меридіанами городовъ Чиракчи и Куляба на три части, рѣзко отличающіяся между собою во многихъ отношеніяхъ.

Западная часть—совершенная равнина и весьма слабо орошена; остатки рѣкъ, расходуемыхъ на орошеніе полей въ центральной части ханства, образуютъ въ западной Бухарѣ незначительные, сравнительно бѣдные оазисы. Климатъ страны жаркій и континентальный: лѣтній зной не рѣдко достигаетъ 35—40° R., а зимой, въ январѣ весьма часто—10 R.; тамъ, гдѣ нѣтъ воды—либо солончаковая, голая степь, либо сыпучіе пески. Съ незапамятныхъ временъ западная Бухара была, въ большей степени, чѣмъ прочія части ханства, ареной дѣятельности всѣхъ средне-азіатскихъ завоевателей и жертвою всевозможныхъ династическихъ распрей. Послѣдніе завоеватели—Узбеки составляютъ почти исключительное населеніе этой части.

Центральная Бухара отличается богатымъ орошеніемъ, преимущественно, конечно, искусственнымъ; ей всецѣло принадлежатъ рр. Сурханъ, Кафирнаганъ, Вакшъ (Сурхъ-объ), Кизылъ-Су и многіе ручьи, ниспадающіе преимущественно съ снѣжныхъ вершинъ Гиссарскаго кряжа. Всѣ упомянутыя рѣки раздѣляются между собой горными хребтами: Баба-Тагъ, Гази-Малекъ и Кара-Тау, со средней высотой около 3—4000 футовъ, что придаетъ странѣ гористый характеръ съ болѣе умѣреннымъ климатомъ; сравнительно трудные пути сообщенія рѣже допускали сюда иноплеменные нашествія. Таджикскій элементъ до послѣдняго времени былъ здѣсь преобладающимъ. Узбекское завоеваніе, начавшееся въ западной Бухарѣ съ половины XVII столѣтія, достигло центральныхъ бекствъ только въ началѣ текущаго столѣтія.

Восточная Бухара—Каратегинъ и Дарвазъ—перерѣзаны двумя гигантскими хребтами (Петра Великаго и Дарвазскимъ), представляютъ собою горную, весьма дикую страну; здѣсь уже наиболѣе низкія мѣста не менѣе 3—4000 футовъ абсолютной высоты, климатъ въ общемъ умѣренный, весьма здоровый, воды масса, но зато въ Дарвазѣ, въ особенности, склоны хребтовъ, обращенные въ Пянджу, лишены растительнаго слоя, почему естественная производительность крайне бѣдна.

Восточная Бухара населена исключительно таджиками—аборигенами страны; узбеки въ небольшомъ числѣ составляютъ только правящій классъ, при чемъ и завоевали они этотъ край очень недавно: Каратегинъ около 16 и Дарвазъ 13 лѣтъ тому назадъ.

Индоевропейскій типъ дарвазцевъ побережья Пянджа сохранился во всей своей чистотѣ; съ увѣренностью можно сказать, что уже много столѣтій живутъ они безъ всякаго прогресса, нынѣшнее ихъ состояніе полу-дикое и нѣтъ никакихъ памятниковъ древней культуры; что такое деньги, они узнали только со времени завоеванія Каратегина узбеками.

Вотъ въ этотъ-то интересный край я долженъ былъ проникнуть съ такимъ расчетомъ, чтобы перейти Дарвазскій хребетъ не позже іюля, т. е. когда всѣ сколько нибудь доступные перевалы открыты для движенія.

До половины іюня я работалъ въ центральной Бухарѣ, обрекогносцировалъ долины рр. Кашка-Дарьи, Сурхала и нижняго Кафирнагана, Вакша и Кизылъ-Су, перерѣзалъ Баба-Тагскій и Гази-Малекскій хребты и прошелъ по правому берегу Аму-Дарьи и Пянджа до ущелья Чайли.

Считаю необходимымъ выяснить тѣ приемы, которые употреблялись мною при сборѣ статистическихъ свѣдѣній.

Бухарская администрація и народъ, вслѣдствіе низкаго уровня своего развитія, весьма мало интересуются какой бы то ни было наукой, а въ особенности статистикой, къ вопросамъ которой относятся съ нѣкоторымъ суевѣрнымъ страхомъ; самому правительству эмира неизвѣстно, сколько у него подданныхъ, ни одинъ бекъ (губернаторъ) не знаетъ, сколько у него въ бекствѣ жителей, а тѣмъ болѣе никто не имѣетъ даже понятія о количествѣ засѣваемыхъ полей, о числѣ скота и проч., слѣдовательно желающему собрать такого рода свѣдѣнія необходимо измыслить какой либо способъ, дабы хотя приблизительно ознакомиться съ естественной производительностью и богатствомъ страны. Въ каждомъ амлякдарствѣ (волости) развѣдчикъ-переводчикъ узнаетъ число селеній (кишлаковъ) и приблизительное число дворовъ въ каждомъ, что отъ времени до времени приходится провѣрять фактически; затѣмъ подспорьемъ въ собраніи прочихъ свѣдѣній служитъ система бухарскихъ налоговъ. Каждый бекъ осенью собираетъ въ свою пользу херадръ, это налогъ, въ размѣрѣ $\frac{1}{10}$ части, съ собраннаго съ землевладѣльцевъ разнаго рода хлѣба, а затѣмъ особый чиновникъ собираетъ въ казну эмира зякетъ— $\frac{1}{40}$ со стоимости имѣющагося скота: главнымъ образомъ барановъ, потомъ рогатаго скота, верблюдовъ и проч.; вотъ эти-то сравнительно шаткія цифры служили фундаментомъ статистическаго изслѣдованія, добывались же путемъ разспроса по бекствамъ, амлякдарствамъ и даже селеніямъ. Кромѣ того приходилось обращать серьезное вниманіе на зажиточность населенія, количество воды, что имѣетъ прямую связь съ количествомъ засѣваемыхъ полей и проч.

Собственный опытъ привелъ меня къ заключенію, что статистическій обзоръ Бухарскаго ханства, сколько нибудь основательный, можетъ быть составленъ только въ будущемъ, когда управленіе страною создастся на болѣе раціональныхъ началахъ, подвліяніемъ уже впрочемъ проникающей туда цивилизаціи.

Рѣки Центральной Бухары похожи скорѣе на горные ручьи чѣмъ на рѣки; характерная особенность ихъ: извилистость, быстрота теченія даже при устьяхъ около 7 верстъ въ часъ и каменистое русло на большей половинѣ теченія. Таяніе снѣговъ въ истокахъ въ іюнѣ и іюлѣ влечетъ значительное повышеніе уровня воды и разливы и наоборотъ въ декабрѣ и январѣ образуется даже въ низовьяхъ много бродовъ, а рѣка Кизылъ-Су совершенно высыхаетъ

уже въ октябрѣ. Всѣ эти рѣки видѣлъ и во время половодья, по Сурхану сдѣлалъ 40 в. на каюкѣ¹⁾, черезъ прочіе притоки Аму-Дарьи переѣзжали на каюкахъ, а черезъ Вакшъ къ каюку привязали за гриву лошадь, которая замѣняла и руль и весла. Подобный способъ переправы практикуется тоже черезъ Аму-Дарью, ширина которой, напр. у Патта Гиссара, больше $\frac{1}{2}$ версты; рядомъ съ лошадью, управляя ею, плывутъ одинъ или два человѣка на турсукахъ (бурдюкахъ)²⁾ и въ случаѣ необходимости поддерживаютъ её подъ уздцы. Такимъ образомъ переправлялся топографъ Глаголевъ черезъ рукавъ Пянджа на островъ Урта-Тугай, только не на каюкѣ, а на гупсарѣ (плоть, составленный изъ нѣсколькихъ турсуковъ) и едва не погибъ, благодаря тому, что лошадь, окунувшись случайно одинъ разъ, стала тонуть и поставила плотъ въ наклонное положеніе; плывшіе рядомъ туземцы поддерживали лошадь и дотащили гупсаръ вмѣстѣ съ лошадью собственными усиліями.

Существуетъ преданіе, что Александръ Македонскій со своимъ 30 т. отрядомъ совершилъ переправу черезъ Аму-Дарью на турсукахъ и гупсарахъ.

Въ общемъ рѣки Центральной Бухары имѣютъ почти исключительно ирригаціонное значеніе; воды даютъ онѣ всегда больше, чѣмъ надо для орошенія, этимъ и объясняется сравнительное богатство страны и изобиліе продуктовъ земледѣлія.

Горы центральной Бухары безлѣсны, ранней весной покрываются тучной травой и привлекаютъ массу стадъ кочевниковъ. Къ концу мая почти на всѣхъ высотахъ хребтовъ Баба-Тагъ, Гази-Малекъ и Кара-Тау все выгораетъ, остаются голыя раскаленные скалы, только на Гиссарскомъ кряжѣ на 9—10 т. ф. высоты сохраняется трава, куда къ серединѣ лѣта перекочевываютъ узбеки. Въ отношеніи изобилія минеральными богатствами горы центральной Бухары еще очень мало изслѣдованы. Наиболѣе богатъ въ этомъ отношеніи южный склонъ Гиссарскаго кряжа и Шааръ Саабизскій хребетъ. Туземцы и наши русскіе частные предприниматели утверждаютъ, что есть много желѣза, свинца, каменнаго угля и нефти; послѣдняя, подъ именемъ майли-су (масляная вода) служитъ туземцамъ лекарствомъ отъ болѣзни глазъ; возлѣ Обигарма я купался въ тепломъ, по всей вѣроятности желѣзистомъ, источникѣ, который извѣстенъ среди мѣстныхъ жителѣй своими цѣлебными свойствами

¹⁾ Лодки съ подъемной силой около 100 пудовъ.

²⁾ Баранья кожа наполненная воздухомъ, въ видѣ пузыря.

отъ всѣхъ болѣзней и считается священнымъ. По Вакшу и Панджу туземцы занимаются промывкой золотоноснаго песка, причемъ, не смотря на самый первобытный способъ промывки на овчину, рабочий получаетъ въ день отъ 4 до 6 тенегъ (тенга 20 коп. сер.).

Дороги центральной Бухары исключительно вьючныя. Часто попадаются участки колесной, но они на столько разъединены между собою вьючными путями, что теряютъ всякое значеніе; вьючное же движеніе вездѣ совершается легко и удобно; тяжести перевозятся на верблюдахъ, лошадяхъ и сравнительно рѣже на ослахъ. Невольно поражаетъ выносливость туземной лошади: безъ труда везетъ она на спинѣ 10—12 пудовъ, что выработалось конечно вѣковой привычкой изъ поколѣнія въ поколѣніе; та же выносливость лошадей наблюдается и въ Русскомъ Туркестанѣ: тащить она на спинѣ батманъ (8 пудовъ) ячменя, да сверху сидитъ еще дюжій сартъ; путешествіе же вдвоемъ на одномъ конѣ, даже въ дальнюю дорогу—явленіе совершенно обыденное.

Общая цифра населенія центральной Бухары около 1 милліона, изъ нихъ $\frac{3}{4}$ —узбеки и $\frac{1}{4}$ таджики, въ этомъ числѣ самый малый процентъ, не болѣе $\frac{1}{2}$ 0/0, падаетъ на долю туркменъ, аравитянъ, афганцевъ и цыганъ. Около половины всего населенія ведутъ осѣдлый образъ жизни, остальные же полукочевой. Таджики центральной Бухары подчинились вліянію узбековъ во всѣхъ отношеніяхъ и почти совершенно слились со своими завоевателями.

Характерной особенностью этнографическаго строя узбековъ служить раздѣленіе ихъ на роды: Маигытъ, Локай, Кунгродъ, Курама и еще нѣсколько другихъ. Каждый родъ населяетъ болѣе или менѣе опредѣленный районъ и отличается извѣстными природными особенностями; такъ напр. маигыты, къ которымъ принадлежитъ нынѣ царствующая въ Бухарѣ династія, пользуются репутаціей благородства и аристократизма; локайцы мужественны и воинственны, кунгроды почти исключительно занимаются скотоводствомъ, а во время былыхъ династическихъ распрей первые начинали разбойничать и грабить; однимъ словомъ по названію рода, населяющаго извѣстную мѣстность, легко дать характеристику самой мѣстности. Каждый узбекъ любитъ свой родъ и имъ гордится; никогда не скажетъ онъ просто „я узбекъ“, а непременно „узбекъ-кунгродъ“ или „узбекъ-маигытъ“.

Подобное раздѣленіе, не существующее въ такой степени у прочихъ тюркскихъ народовъ, обусловливается ихъ происхожденіемъ. По мнѣнію профессора Веселовскаго, узбекъ есть терминъ не этно-

графическій, а политическій: извѣстная группа обитателей киргизскихъ степей составила политическій союзъ, постепенно расширявшійся и принявшій наименованіе отъ одного изъ правителей; въ составъ узбекскихъ ордъ вошли, такимъ образомъ, и турки, и татары, и монголы и проч.; и дѣйствительно нѣкоторые роды и по типу и по нарѣчію ближе подходятъ къ туркменамъ, другіе къ киргизамъ.

Узбеки чрезвычайно мало развиты умственно, склонны къ мирной жизни, лѣнны и, въ отличіе отъ туркменъ, трусливы и лживы, но что всего хуже—неряшливы, нечистоплотны и далеки отъ всякаго стремленія къ изящному; однако при поверхностномъ взглядѣ кажется совершенно противное: горницы у нихъ, въ особенности у зажиточныхъ, чисты, религіозное омовеніе, совершаютъ по нѣсколько разъ въ день, чалмы на головѣ бѣлоснѣжны; но при ближайшемъ знакомствѣ убѣдитесь, что все это формальная, показная сторона. Туземные города и селенія, это клоаки всякихъ нечистотъ и разсадники эпидемическихъ болѣзней; изъ пруда (гауза), гдѣ дѣлаютъ омовеніе, сейчасъ же берутъ воду для питья, у большинства подъ бѣлой чалмой на бритой головѣ—парши. Узбекскія деревни и кочевки въ большинствѣ случаевъ расположены на солнцепекѣ, хотя бы роща или садъ были очень близко; имъ непонятна, какъ будто, прелесть сада, тѣни, прохлады и проч., ихъ стихія грязь, причемъ къ купанью и вообще къ обмыванью настоящему, а не религіозно-формальному, они питаютъ отвращеніе.

Сопровождавшій насъ бухарскій чиновникъ (Мирза-баши), не смотря ни на какую жару, носилъ три халата, изъ нихъ одинъ ватный¹⁾; вслѣдствіе постоянной испарины и упрямаго нежеланія купаться онъ распространялъ вокругъ себя зловоніе, покрылся сыпью и наконецъ серьезно захворалъ; я приказывалъ казакамъ насильно купать Мирзу и тѣмъ, быть можетъ, спасъ его здоровье отъ серьезныхъ послѣдствій. Въ 1887 году, въ Кермине, остановились генералъ Зигернъ-Корнъ и я въ такъ называемомъ посольскомъ домѣ, болѣе или менѣе приспособленномъ къ европейскому комфорту; передъ самой террасой былъ прудъ, водой котораго мы пользовались; однажды утромъ я замѣтилъ, что изъ трубы, входящей въ прудъ, вмѣсто чистой воды, идетъ какая-то киселеобразная мутная жидкость съ человѣческими экскрементами, внутренностями

¹⁾ Это впрочемъ оправдывается привычкой, появившейся вслѣдствіе особыхъ климатическихъ условій.

животныхъ и проч.; черезъ $\frac{1}{4}$ часа прудъ сдѣлался мутнымъ и зловоннымъ, и мы все таки принуждены были пить чай изъ этой же воды, такъ какъ нашъ прудъ былъ еще одинъ изъ чистыхъ.

Вотъ почему нисколько не удивительно, что въ большихъ городахъ, какъ огромныхъ резервуарахъ всякихъ зловредныхъ міазмовъ, народъ, преимущественно лѣтомъ, умираетъ тысячами, таковы: Гиссаръ, Карши и въ особенности Бухара; эпидемическія заболѣванія не рѣдко переносятся въ наши предѣлы (Каты-Курганскій и Самаркандскій уѣзды). Только благопріятныя климатическія условія спасаютъ жителей отъ совершеннаго вымиранія; тамъ же, гдѣ и мѣстность не отличается здоровымъ климатомъ, происходитъ какое-то уродливое вырожденіе цѣлыхъ поколѣній: въ Кулябскомъ бекствѣ, вблизи Аму-Дарьи, свирѣпствуютъ жестокія лихорадки и вотъ въ одномъ изъ селеній, Саядѣ, жители просто перестали походить на людей: зобы, хроническое малокровіе, искривленіе спины и конечностей почти сплошь поразили населеніе. Даже у самого берега такой рѣки, какъ Аму-дарья, туземцы заводятъ свои пруды, содержащіе изобильные зародыши рикиты, зобовъ, лихорадокъ, холеры и проч.

Совсѣмъ противоположное, отрадное явленіе представляютъ таджики побережья въ Дарвазѣ: чистота, опрятность, стремленіе къ изящному составляютъ ихъ отличительныя качества, но на этомъ подробнѣе останавлиюсь я при дальнѣйшемъ разсказѣ.

Побережье Аму-дарьи въ центральной Бухарѣ представляетъ страну совершенно отличную отъ прочихъ частей ханства въ географическомъ и археологическомъ отношеніяхъ. На пространствѣ между Чушка-Гузаромъ и ущельемъ Чайли, откуда Пянджъ до самыхъ верховьевъ течетъ въ горахъ, характеръ побережья весьма однообразенъ, отроги хребтовъ въ видѣ слабыхъ холмовъ подходятъ къ рѣкѣ, образуя мѣстами нагорный обрывистый берегъ; на всемъ этомъ почти 300-верстномъ протяженіи поселковъ весьма мало, культурныя мѣста встрѣчаются между Чушка-Гузаромъ и Сурханомъ съ туркменскимъ населеніемъ, арабскій поселекъ у Кафирнагана и сравнительно небольшіе участки обработанныхъ полей въ окрестностяхъ Сарая, Саяда и Чубека съ афганскимъ и узбекскимъ населеніемъ; все остальное побережье не орошено, но за то здѣсь встрѣчаются памятники древней культуры.

Нѣкогда вода Аму-дарьи эксплуатировалась, остатки грандіозныхъ арыковъ (оросительныхъ каналовъ) во многихъ мѣстахъ изрѣзываютъ побережье. Наиболѣе интересны развалины громаднаго

города Термезъ или Гуль-Гумъ (цвѣтокъ цвѣтковъ) при устьѣ Сурхана и большого города Тохта-Куватъ (тронъ правителя) на правомъ берегу Вакша, при впаденіи его въ Аму-Дарью.

Историческія свѣдѣнія, подтверждаемыя, между прочимъ, и народными преданіями, говорятъ, что Термезъ былъ уже въ цвѣтущемъ состояніи во времена Искандера (Александра Македонскаго) въ 329 — 328 г. до Р. Х., здѣсь же онъ женился на дочери Согдійскаго царя Оксіатра — Роксанѣ. Ученые туземцы утверждаютъ, что въ ту пору городъ тянулся вдоль Сурхана почти на 20 верстъ, черезъ него проходилъ главный торговый путь въ Бактрію и Индію. Чингизъ-ханъ разрушилъ Термезъ, какъ говорятъ, въ одну ночь (1221—1222 г.).

Въ настоящее время развалины Термеза съ остатками разрушенныхъ домовъ и остовами минаретовъ разбросаны почти на 20 — 30 кв. верстъ. Всѣ постройки были изъ жженого кирпича, у самой Аму-дарьи, гдѣ теперь монастырь Термези, видны остатки цитадели, а внизу у самой воды сохранились остатки берегового устоя, по всей вѣроятности, бывшаго нѣкогда моста, такой же устой виднѣется и на противоположномъ берегу.

Развалины Тохта-куватъ, по всей вѣроятности, позднѣйшаго происхожденія и для туземцевъ очень интересны. Не смотря на пустынную мѣста, тамъ постоянно копаются нѣсколько десятковъ человѣкъ, отыскивая клады; по преданію, какой-то туземецъ выкопалъ тамъ золотого идола въ ростъ человѣка; заманчивая находка привлекаетъ сюда многихъ любителей, которые между прочимъ занимаются и промывкой золота на берегу Вакша. Постройки Тохтакувата были также изъ жженого кирпича, но по размѣрамъ городъ уступалъ Термезу. На афганскомъ берегу Аму-Дарьи, еще болѣе пустынномъ и песчаномъ, видны во многихъ мѣстахъ развалины отдѣльныхъ небольшихъ крѣпостей.

Общее впечатлѣніе таково, что нѣкогда берегъ рѣки былъ цвѣтущей культурной страной; нынѣшнее его состояніе представляетъ крайнюю противоположность. Не даромъ Согдіана привлекала всегда вниманіе великихъ завоевателей. Чингизъ — „бичъ божій“ больше чѣмъ гдѣ нибудь оправдалъ свое названіе въ нынѣшней Бухарѣ. Нѣкоторые города, какъ напр., Бухара и въ особенности, благодаря заботамъ Тамерлана, Самаркандъ успѣли нѣсколько оправиться; вся же прочая бывшая культурная часть ханства заглохла на многіе вѣка, оставивъ свидѣтелей прежняго величія въ видѣ множества развалинъ. По всей вѣроятности, сравни-

тельно съ прежнимъ и уровень воды въ Аму-дарьѣ значительно понизился; прежде легче было выводить воду изъ рѣки. Отъ Туркменъ-Эрсари, населяющихъ нынѣ лѣвый берегъ Аму-Дарьи между Чарджуемъ и Карки, приходилось слышать, что съ каждымъ годомъ они должны углублять арыки; въ настоящее время глубина магистральныхъ достигаетъ 2—3 сажень.

Лѣтъ 100 назадъ берегъ Аму былъ почти пустыненъ, потомъ началось переселеніе туркменъ, афганцевъ и аравитянъ, особенно усилившееся со времени русскаго завоеванія. Нашъ престижъ, въ особенности въ послѣднее время, тамъ очень великъ; всякій, ищущій почему нибудь убѣжища, стремится на сѣверъ, ближе къ русскимъ.

Путешествіе по берегу Аму-дарьи лѣтомъ представляетъ весьма мало удобствъ: съ 7 часовъ утра солнце начинаетъ жечь нестерпимо, было пять—шесть дней въ іюнѣ, когда термометръ Цельзія, въ палаткѣ и юртѣ, въ тѣни, показывалъ скорѣ послѣ полудня $+50^{\circ}$, особенно сильная жара чувствовалась возлѣ Кафирнагана. Ночью рѣдко было менѣе $+25^{\circ}$ Ц.

Берега Аму-дарьи во многихъ мѣстахъ состоятъ изъ двухъ террасъ, низменнаго берега (тугая), поросшаго камышемъ и мелкой зарослью тополя (патты) и болѣе возвышеннаго песчано-каменистаго безъ всякой растительности. Въ тугаяхъ, въ особенности ближе къ населеннымъ мѣстамъ, водится довольно много тигровъ, рысей и шакаловъ. Рысь, ради эгоистическихъ цѣлей, служить вѣрной спутницей тигра, она сама ничего не добываетъ, а пользуется остатками тигровой пищи и почти всегда своимъ полу-собачьимъ, полу-кошачьимъ лаемъ выдаетъ его присутствіе. Стада свои туземцы защищаютъ отъ тигровъ, раскладывая кругомъ костры изъ сухого камыша, но, вообще говоря, его не особенно боятся; существуетъ оригинальное повѣрье, что тигръ никогда не тронетъ того, кто при случайной съ нимъ встрѣчѣ не испугается, не убѣжитъ, а напротивъ всякій долженъ въ подобныхъ случаяхъ, хотя бы умственно, обращаться къ нему съ разнаго рода ласковыми словами. Изъ насѣкомыхъ особенно надоѣдливы здѣсь комары, отъ которыхъ, кромѣ полога, нѣтъ другого спасенія. Вся побережная пустыня кишитъ массой ядовитыхъ и неядовитыхъ гадовъ: змѣй, фалангъ и ящерицъ; мнѣ въ первый разъ довелось видѣть тамъ ящерицу въ $1\frac{1}{2}$ аршина длиной и толщиной въ діаметрѣ туловища 3 вершка; когда она станетъ на вытянутыя ноги, ростъ доходитъ до $\frac{1}{2}$ арш. Это вполне безвредное животное производитъ, однако, крайне непріятное впечатлѣніе. Подобныя ящерицы встрѣчаются и въ Русскомъ Туркестанѣ.

Самая жестокая неприятность этого пути была вѣчная, съ трудомъ утолимая жажда, вызываемая изобильной днемъ и ночью испариной. Наилучшая спаровка облегчать себя — это воздержаніе во время пути и затѣмъ питье горячаго чаю, но не воды, на почлегѣ; каждый изъ насъ выпивалъ въ день не менѣе 20 — 30 стакановъ.

12-го іюня мы подошли къ предгоріямъ Дарваза, которыя довольно рельефно возвышаются надъ равниной и у Пянджа начинаются ущельемъ Чайли; въ этомъ мѣстѣ начинаются горы и со стороны Афганистана. Рѣка вырывается изъ узкаго ущелья, какъ бы освобождаясь изъ тисковъ и широко разливается, образуя островъ Урта-Тугай или Саядъ (10 в. ширины и 40 в. длины); это единственный на Аму-дарьѣ обитаемый островъ и также, какъ и всѣ острова рѣки, принадлежатъ бухарцамъ.

По смыслу даннаго мнѣ порученія необходимо было держаться, во все время дальнѣйшаго путешествія, берега Пянджа. Ущелье Чайли заградило дорогу, пришлось кружнымъ путемъ обойти ущелье и выйти къ Богараку, какъ разъ противъ афганскаго селенія Самты; отъ Богарака побережной дороги опять не существуетъ, вернулись назадъ, обошли возвышенностью (5—6 т. ф.) Дашты-Терий и вышли къ Пянджу у селенія Хонджирау и здѣсь къ великому удовольствію узнали, что на противоположномъ берегу — Бухарскій г. Хохонъ. Съ этого момента, т. е. съ 18-го іюня, началось наше знакомство съ южнымъ Дарвазомъ, или съ Бухарской территоріей на лѣвомъ берегу Пянджа. Хохонскій амлякдаръ (волостной) съ нѣсколькими туземцами таджиками переправился на нашъ берегъ и первый сообщилъ разнаго рода свѣдѣнія о своей и сосѣднихъ волостяхъ. Мы были свидѣтелями обратной переправы волостного: надули турсуки числомъ 6, при помощи веревокъ и жердей связали гуссаръ, раздѣлись, одежду привязали сверху и, взявшись руками (ихъ было 4 человѣка), спустились въ воду. Съ мѣста понесло ихъ по теченію со скоростью верстъ 15 въ часъ, но они, управляя ногами и держа направленіе перпендикулярно теченію, стали постепенно приближаться къ тому берегу и пристали минутъ черезъ 10—15 въ разстояніи по крайней мѣрѣ версты отъ мѣста посадки. Ширина Пянджа возлѣ Хохона около 120 сажень, быстрота теченія около 15 верстъ въ часъ и температура воды 10 — 12° R., русло во многихъ мѣстахъ загромождено камнями.

Очень заманчиво было попробовать переправиться на лѣвый берегъ и намъ, но осуществить этого я не рѣшился, потому что въ

предписаніи, которое было составлено по докладу политическаго агента въ Бухарѣ, камеръ-юнкера Чарыкова, мнѣ было безусловно запрещено переправляться черезъ Аму-дарью и вдобавокъ я не былъ вполне ориентированъ, какъ далеко тянутся бухарскія владѣнія.

У Хохона возможно совершить переправу и не окунаясь въ воду, а въ нѣсколько рейсовъ, усаживаясь по одному или по два человѣка на самый плотъ.

Выше Кала-и-Хума, когда у меня составилось уже ясное представленіе о политическомъ положеніи южнаго Дарваза, вновь явилась у меня мысль побывать на той сторонѣ, но тутъ она уже не могла быть осуществлена безъ риска, такъ какъ, вслѣдствіе присутствія въ рѣкѣ массы камней, въ этомъ мѣстѣ можно переправляться только на одномъ турсукѣ, держась за него руками и упираясь грудью.

Опредѣливши засѣчками, при помощи легкой мензулы, съ этого берега Хохонъ съ ближайшими ущельями и селеніями, мы отправились дальше къ устью р. Обь-и-Ніобъ, откуда начинается южный край Дарвазскаго хребта; здѣсь абсолютная высота уровня Пянджа около 3 т. ф. Хребетъ отвѣсной скалой упирается въ Пянджъ и опять нѣтъ дороги по берегу.

По имѣвшимся у меня свѣдѣніямъ, первый переваль Дарвазскаго хребта, считая съ юга—Вальвалякъ, черезъ него мы и должны были выйти на Пянджъ, но по свѣдѣніямъ туземцевъ онъ считался настолько неудовлетворителенъ, что я не былъ еще увѣренъ, удастся ли его перейти, но на всякій случай послалъ джигита въ Кала-и-Хумъ, съ просьбой къ беку оказать намъ въ этомъ отношеніи содѣйствіе.

Подымаясь по ущелью р. Обь-и-Ніобъ, мы достигли селенія Тилляръ 21-го іюня. Бывшій у меня aneroidъ пересталъ здѣсь правильно дѣйствовать, слѣдовательно мы находились выше 9 т. ф. (предѣла его показанія). До сихъ поръ дорога была очень сносная, вьюки шли прекрасно. Бухарцы все таки продолжали пугать будущимъ, но въ Тилляръ, къ великому удовольствію, бекъ выслалъ намъ въ помощь черезъ Вальвалякскій переваль 20 конныхъ и 20 пѣшихъ джигитовъ во главѣ съ бравымъ чиновникомъ и миражуромъ (капитаномъ), которые воочію доказали проходимость перевала для лошадей, вещи же въ случаѣ крайности должны были переноситься пѣшими джигитами.

По совѣту туземцевъ, мы запаслись въ Тиллярѣ особой обувью,

приспособленной для путешествій пѣшкомъ по крутымъ, каменистымъ тропинкамъ; это простые башмаки на толстой мягкой подошвѣ, имѣющіе вмѣсто каблука дугообразную металлическую пластинку, прикрѣпленную ребромъ перпендикулярно подошвѣ; безъ этой обуви намъ пришлось бы довольно трудно.

22-го іюня, около 6 ч. утра мы выступили изъ Тилляра и въ 11 ч. дня достигли вершины перевала; на послѣднемъ самомъ крутомъ подъемѣ вещи понесли джигиты. Ѣхать верхомъ по тропинкѣ въ иныхъ мѣстахъ шириною въ $1\frac{1}{2}$ арш., выдѣланной почти въ отвѣсной скалѣ—не выдерживали нервы, а потому пришлось часа 2 подниматься пѣшкомъ, держась за хвостъ лошади—это обычный и очень удобный способъ при крутомъ подъемѣ. Къ сожалѣнію, я не имѣлъ возможности наблюдать высоту перевала, но по сравненію съ другими, на которыхъ приходилось бывать, могу съ увѣренностью сказать, что Вальвалякъ не ниже 12 т. футъ; линія вѣчнаго снѣга въ среднеазіатскихъ горахъ находится приблизительно на 12 т. ф.; мы же находились выше этой линіи, такъ какъ при спускѣ съ перевала шли около часа по снѣгу.

Спускъ съ Вальвалякского перевала, хотя не очень крутой, но крайне неудобный: приходится пересѣкать много ущелій, заполненныхъ промерзшимъ снѣгомъ; у береговъ онъ къ серединѣ лѣта оттаиваетъ, образуя провалы до $1\frac{1}{2}$ аршина шириною, черезъ которые необходимо перепрыгивать. Трудность описываемаго перевала заключается еще въ томъ, что дѣло не ограничивается, какъ обыкновенно, однимъ большимъ подъемомъ и спускомъ; только мы спустились на высоту 8 — 9 т. ф. и шли уже по ущелью Обь-и-Зыгаръ, которое должно было привести насъ къ Пянджу, какъ вдругъ дорога ущельемъ прекратилась, и снова нужно было перевалить отрогъ Дарвазскаго хребта, Кули-Кавгунъ, высота котораго не меньше 10—11 т. ф., подъемъ крайне тяжелый, лошади съ самымъ легкимъ вьюкомъ срывались.

Новый Кули-Кавгунъ прошли въ 4 ч., а у Пянджа были въ 8 ч. вечера—въ сел. Зыгаръ.

Въ этотъ день пройдено нами около 20 верстъ, на что потребовалось 14 час., отдыхали не больше $1\frac{1}{2}$ часа.

Нигдѣ не приходилось встрѣчать мнѣ такого благодатнаго климата и красивой природы, какъ въ Зыгарѣ. Селеніе расположено въ тутовой рощѣ, на площадкѣ въ $\frac{1}{4}$ кв. версты, въ углу между Пянджемъ и Зыгаромъ, высота мѣста около $3\frac{1}{2}$ т. футъ, кругомъ почти отвѣсныя со снѣгомъ на верху скалы; наиболѣе пологій

скать съ той стороны откуда мы пришли. Солнце восходитъ изъ за горъ въ 11 ч. утра и заходитъ въ 4 дня, въ остальное время прохладные пріятные сумерки. Жители Зыгара, таджики, живутъ въ небольшихъ сложенныхъ изъ камня домахъ, пользуются всегда прекраснымъ здоровьемъ, не знаютъ болѣзней и умираютъ или отъ причинъ случайныхъ или же отъ старости, которая впрочемъ, благодаря отсутствію хорошей, питательной пищи, приходитъ очень рано.

Черезъ Вальвалякскій перевамъ мы проникли въ предѣлы, Дарваза; противоположный берегъ Пянджа былъ также Бухарскій—Кудрское амлякдарство; амлякдаръ, какъ и хохонскій, переправился къ намъ на правый берегъ и сопровождалъ для перехода по дорогѣ въ Кала-и-Хумъ.

О дорогахъ Дарваза съ древнихъ временъ въ Бухарѣ ходятъ самые легендарные слухи; пользоваться молъ ими могутъ только одни дарвазцы, чуть ли не перебрасываясь со скалы на скалу надъ бездонными пропастями въ какихъ-то корзинахъ. Подобныя свѣдѣнія, относясь впрочемъ къ нимъ совершенно спектически, передаетъ и г. Ошанинъ въ своей брошюрѣ, „Каратегинъ и Дарвазъ“. Пройдя труднѣйшими дорогами Дарваза около 130 верстъ, могу, сказать: во первыхъ, что Вальвалякскій переваль и вся побережная дорога до границы Рошана не пригодны для вьючнаго движенія, во вторыхъ, что только половина ея доступна для ѣзды верхомъ, и третьихъ, что вопросъ удобства сообщенія по ней часто субъективный: человѣкъ съ разстроенными нервами, или непривычный къ горамъ, можетъ быть, не сдѣлаетъ ни одного шага безъ посторонней помощи, а природный дарвазецъ гуляетъ по $1\frac{1}{2}$ аршинному карнизу или балкону надъ пропастью въ нѣсколько десятковъ сажень, точно по дорожкѣ парка со скоростью 4—5 верстъ въ часъ.

Мы шли почти все время пѣшкомъ, часто съ помощью туземцевъ; дневные переходы были около 7—10 верстъ, находились въ пути около 5 часовъ. Трудность путешествія усугубляла жара и постоянное нервное возбужденіе, такъ какъ покидать карнизы или балконы приходилось очень рѣдко. До Кала-и-Хума наши вещи несли наемные люди—таджики, гдѣ мы при дальнѣйшемъ путешествіи оставили и лошадей и вьюки, такъ какъ, по словамъ дарвизскаго бека, за Кала-и-Хумомъ дорога размыта Пянджемъ и нужно карабкаться на отроги безъ всякой тропинки. Такъ оно въ дѣйствительности и вышло; я, къ несчастію, упустилъ изъ виду или пра-

вильнѣе, не зная, что уровень Пянджа въ Дарвазѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, подымается въ иныхъ мѣстахъ до двухъ сажень, такъ что ближайшія къ рѣкѣ, болѣе низменныя части дороги заливаются и приходится обходить размытыя мѣста черезъ отроги, безъ всякихъ дорогъ. Отъ Кала-и-Хума мы шли цѣлые дни отъ восхода до заката солнца и то успѣвали сдѣлать не болѣе 12 верстъ. Наконецъ въ Курковакѣ предложили намъ по необходимости испытать легендарную дорогу, т. е. совершить подъемъ при помощи веревокъ на отвѣсную скалу сажень въ 20—30 высотой, на что уже и не рѣшился, тѣмъ болѣе что съ каждымъ днемъ уровень Пянджа все больше и больше повышался, и мы рисковали безъ вещей и хлѣба быть запертыми гдѣ нибудь по нѣсколько недѣль; амлякдары пограничныхъ съ Рошаномъ волостей Язгуламской и Друмачской вышли къ намъ на встрѣчу въ Курковакѣ; произведеннымъ у нихъ разспросомъ я закончилъ работу въ побережьи Пянджа и возвратился въ Кала-и-Хумъ, откуда вновь черезъ Дарвазскій хребетъ, только другимъ, Сагры-Даштскимъ переваломъ и черезъ хребетъ Петра В. Кашгиранскимъ прошелъ въ Гармъ, откуда Гиссарской долиной и черезъ Гиссарскій хребетъ переваломъ Сангырда вышелъ въ долину Кашка-Дарьи къ г. Шаару.

Такимъ образомъ пропутешествовалъ почти 4 мѣсяца и сдѣлалъ 2115 верстъ.

Очеркъ Дарваза.

Дарвазъ (въ переводѣ на русскій языкъ—ворота) есть горная страна, перерѣзанная Пянджемъ на двѣ части: сѣверную, заключающую въ себѣ Дарвазскій хребетъ съ обоими склонами и бассейномъ р. Хингау почти до устья, и южную между Пянджемъ и Бадахшаномъ, гдѣ границей служитъ хребетъ, еще весьма мало изслѣдованный во всѣхъ отношеніяхъ; на западѣ граница идетъ отъ р. Хингау по Дарвазскому хребту, пересѣкаетъ Пянджъ и далѣе переходитъ на р. Зырнутъ. На востокѣ Дарвазъ въ сѣверныхъ частяхъ примыкаетъ къ высямъ западнаго Памира и граница неизвестна, а у Пянджа соприкасается съ Рушаномъ на сѣверѣ въ урочищѣ Шинотъ и на югѣ по р. Таньшіу.

Общее пространство Дарваза составляетъ приблизительно около 175 кв. миль; на лѣвомъ берегу Пянджа около 50 кв. миль, въ предѣлахъ между Дарвазскимъ хребтомъ и Пянджемъ около 60 кв. миль и къ сѣверу отъ Дарвазскаго хребта до Каратегина 65 кв. миль.

Общая цифра населенія около 30.000 человѣкъ, жители, по происхожденію своему таджики, сгруппированы въ двухъ главныхъ пунктахъ—ущелье Пянджа и ущелье Хингау. Въ описаніи Дарваза я ограничусь частью его между Дарвазскимъ хребтомъ и Бадахшаномъ, во первыхъ потому, что вдоль ея я прошелъ, во вторыхъ она до сихъ поръ была почти не изслѣдована и третьихъ представляетъ характерныя особенности въ географическомъ и этнографическомъ смыслѣ; долина или ущелье Хингау изслѣдовано ранѣе меня туркестанскимъ топографомъ, подполковникомъ Родіоновымъ; онъ, на сколько мнѣ помнится, прошелъ почти до ея истоковъ, а я пересѣкъ только въ одномъ пунктѣ, по дорогѣ изъ Кала-и-Хума въ Гармъ, при чемъ въ видѣнномъ мною нашелъ большое сходство съ Каратегиномъ и громадную разницу съ побережьемъ Пянджа.

Разсматриваемая часть Дарваза представляетъ отроги двухъ высочайшихъ хребтовъ, круто спускающихся къ берегамъ Пянджа на протяженіи 160—180 верстъ, т. е. между р. Таквилу и Обь-и Нюбъ. Оба хребта въ направленіи съ запада на востокъ постепенно возвышаются, но по всей вѣроятности южный хребетъ выше сѣвернаго и недоступнѣе; судя по разспросамъ, на немъ имѣется только одинъ перевалъ Ишъ и то трудно проходимый, на сѣверномъ же извѣстны три: Вальвалякскій, Сагры-Даштскій и Сафадъ-Сангскій, при чемъ средній—Сагры-Даштскій вполне пригоденъ для вьючнаго движенія, Сафадъ-Сангскаго не видѣлъ, но онъ, по показанію туземцевъ, также вьючный; хуже всѣхъ Вальвалякскій.

Склоны горъ къ берегамъ Пянджа, въ отличіе отъ горъ Каратегина и сѣвернаго склона Дарваза, почти совершенно лишены растительнаго слоя, представляя обнаженные скалистыя громады, перерѣзанныя множествомъ ущелій съ горными ручьями, ниспадающими со снѣжныхъ вершинъ. По берегу Пянджа и въ ущельяхъ встрѣчаются небольшія горизонтальныя площадки съ тузовыми (шелковичными) рощами, среди нихъ изрѣдка попадаются чинары. Трудно понять, какимъ образомъ могли окрѣпнуть и развиться по истинѣ гигантскія деревья на сравнительно тонкомъ наносномъ слоѣ. Подобныя рощи по берегу Пянджа встрѣчаются черезъ 5—10 верстъ.

Пянджъ въ предѣлахъ Дарваза имѣетъ видъ грандіознаго, горнаго ручья, шириною отъ 100 до 120 сажень, со скоростью теченія до 15—18 верстъ въ часъ, абсолютная высота уровня его въ Курковакѣ 4.750 футовъ, въ Кала-и-Хумѣ около 4.000, въ Зыгарѣ 3.500 и въ Богаракѣ, возлѣ ущелья Чайли, около 2.000 футовъ.

Такимъ образомъ на протяженіи 150 верстъ паденіе воды равняется 2.700 футовъ, т. е. около 3 сажень на 1 версту; неудивительно, что, по выходѣ изъ ущелья Чайли, воды Пянджа, освобождаясь изъ тисковъ и переходя почти на горизонтальную поверхность, разливаются по ширинѣ почти на 12 верстъ и во время половодья здѣсь единственное мѣсто на всей рѣкѣ, гдѣ возможна переправа вбродъ.

Наименьшая вода въ рѣкѣ бываетъ съ сентября по апрѣль, наибольшая іюнь—іюль. Колебаніе уровня, въ нѣкоторыхъ болѣе узкихъ мѣстахъ доходитъ до 3—4 сажень, въ зависимости конечно отъ количества выпавшаго зимой снѣга.

Прочіе рѣчки и ручьи представляютъ собою почти сплошные водопады, переправа черезъ нихъ совершается по мостамъ очень остроумной конструкціи, въ родѣ нашей кавказской.

Южный хребетъ даетъ большее число ручьевъ и ущелій и ущелья больше заселены.

Вода въ Пянджѣ мутная, но быстро отстаивается и вкусна, температура въ іюнѣ была около 9—10° R.

Лѣтнія жары, достигающія на берегахъ Пянджа 25—30° C. въ тѣни, переходятъ въ суровые зимніе холода¹⁾. Пянджъ во многихъ мѣстахъ съ менѣе быстрымъ теченіемъ замерзаетъ и тогда переправа совершается по льду. Количество атмосферныхъ осадковъ зимой и лѣтомъ весьма значительно. Въ іюнѣ, когда въ равнинной Бухарѣ нѣтъ и помину о дождяхъ, насъ, между Кала-и-Хумомъ и Курковакомъ, почти все время мочилъ дождь при весьма сильныхъ грозахъ; зимой, по словамъ туземцевъ, выпадаетъ масса снѣга. Зима продолжается съ октября по апрѣль, въ верхнихъ же селеніяхъ ущелій на два мѣсяца продолжительнѣе.

Во время нашего путешествія обыкновенно послѣ заката солнца начинался вѣтеръ.

Неравномѣрность нагрѣванія скалъ, воды и снѣга вызывала значительное движеніе воздуха вдоль ущелій. Помню, однажды мы ночевали у самого устья ущелья, которое нѣсколько выше раздваивалось; всю ночь весьма періодично обдавало насъ оттуда то холоднымъ, то горячимъ вѣтромъ, что на другой день вызвало у нѣкоторыхъ изъ моихъ спутниковъ простуду.

Число жителей въ описываемой части Дарваза, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, весьма возможно не совсѣмъ точнымъ, около 15—20.000, при чемъ на южный Дарвазъ приходится нѣсколько больше

¹⁾ О зимнихъ холодахъ говорю со словъ туземцевъ.

половины. Не рискуя изъ сомнительныхъ цифръ какъ пространства, такъ и населенія дѣлать какіе либо выводы, могу сказать лишь, что судя по собственнымъ наблюденіямъ, южный Дарвазъ несомнѣнно населенъ плотно.

Таджики, какъ извѣстно, принадлежатъ къ индо-европейскому племени. Типъ, языкъ, устройство жилищъ и замѣтное стремленіе къ изящному рѣзко напоминаетъ насъ самихъ—европейцевъ. Съ древнихъ временъ таджики Дарваза, будучи самой природой защищены отъ всякихъ иноземныхъ вліяній, сохранили свою народность въ полной чистотѣ. Сравнительная бѣлизна кожи, темнорусые волосы, правильныя и красивыя, въ особенности у женщинъ, черты лица составляютъ особенность ихъ типа.

Не будучи даже филологомъ, невольно обращаешь вниманіе на сходство нѣкоторыхъ ихъ словъ съ европейскими: *horst*—есть (имѣется), не—нѣтъ (отрицаніе), *deux*—два и т. п. Дома у нихъ сложены изъ камня, иногда даже двухъ-этажныя, окна заклеены, большею частью, пузыремъ, часто имѣютъ деревянныя ставни, иногда даже раскрашенные въ голубой и красный цвѣтъ¹⁾, возлѣ нѣкоторыхъ домовъ небольшіе дворики (въ родѣ палисадниковъ), огороженные тутувымъ плетнемъ, передъ домомъ нерѣдко посѣянъ красный макъ, словомъ сказать, въ иныхъ благоустроенныхъ селеніяхъ глазъ европейца отдыхаетъ послѣ грязи и грубой обстановки узбековъ. Воду пьютъ чистую, хотя могли бы, какъ узбеки, заводить грязные пруды. Религію исповѣдуютъ магометанскую, но больше, кажется, номинально, въ родѣ нашихъ степныхъ киргизовъ. Я, по крайней мѣрѣ, мечетей въ деревняхъ не видѣлъ.

Все горе населенія побережья Пянджа заключается въ отсутствіи сколько нибудь удовлетворительной пищи.

Какъ я уже докладывалъ, горы описываемой части Дарваза почти лишены растительнаго слоя. Если попадается гдѣ нибудь удобная земля, то туземецъ обрабатываетъ ее съ большою охотой, для чего, взбираясь иногда почти на недоступныя выси, рискуетъ часто жизнью, а иногда ею платится. Мы видѣли небольшіе обработанные участки возлѣ Хохона, Кала-и-Хума и Мой-Мая. Въ общемъ же смѣло можно сказать, что Дарвазцы побережья не имѣютъ земли для обработки, а слѣдовательно, не имѣютъ и скота, т. е. лишены и хлѣба и мяса; мало того здѣсь почти нѣтъ птицъ, въ особенности къ востоку отъ Кала-и-Хума; тамъ утромъ съ восходомъ солнца поражаешься гробовымъ

¹⁾ Краску, они говорятъ, что добываютъ изъ какого то-камня.

молчаніемъ природы. Туземцы говорили, что птицы иногда сюда залетаютъ, но что ихъ сейчасъ же убиваютъ и съѣдаютъ. Стрѣляютъ ихъ камнями изъ лука.

Находясь въ такомъ критическомъ положеніи, туземцы питаются тѣмъ, чѣмъ Богъ послалъ, а именно тутовыми ягодами, лѣтомъ въ сыромъ видѣ, а на зиму готовятъ изъ сушеныхъ ягодъ нѣчто похожее на муку и готовятъ тутовый хлѣбъ—желтовато-бураго цвѣта и кисло-сладкаго вкуса. Вода и эти лепешки почти исключительная ихъ пища. Многіе отъ рожденія до самой смерти не пробовали хлѣба; мужчинамъ иногда удается, бывая въ Кулябѣ или Кала-и-Хумѣ, ѣсть баранину и пшеничныя лепешки, а изъ женщинъ громадное большинство не знаетъ даже вкуса хлѣба. За нами тащили хлѣбъ и гнали барановъ, которые, впрочемъ, питаются тузовыми листьями, скоро тощали; большіе сравнительно остатки пищи мы отдавали туземцамъ и наблюдали, какъ они, на подобіе животныхъ, вырывали одинъ у другого куски хлѣба, дрались, барахтались, чуть ли нѣ кусали другъ друга. Тутовый хлѣбъ къ началу лѣта принимаетъ ужасающій видъ,—заводятся черви, а все таки приходится его ѣсть, такъ какъ ничего другого не придумаешь.

Одежду они достаютъ, обмѣнивая тутъ на овчину и полотно, подать платятъ тутомъ, словомъ сказать у нихъ мѣшокъ тута—денежный знакъ и дѣйствительно настоящую монету они узнали со времени покоренія Каратегина узбеками, когда къ нимъ стали мало-по-малу проникать теньги (20 коп. серебр. монета) изъ Гарма и Коканскаго ханства.

Съ одной стороны почти невозможность добывать хлѣбъ и мясо и съ другой легкость добыванія тута развили въ населеніи невѣроятную лѣнь. Все занятіе ихъ заключается въ томъ, чтобы насушить на зиму достаточное количество тутовыхъ ягодъ и затѣмъ ихъ ѣсть. Быть можетъ, отчасти этой привычкой къ лѣни, отчасти же присущимъ всякому мало развитому человѣку стремленіемъ жить тамъ, гдѣ жили отцы и дѣти, только и можно объяснить, почему никто изъ побережныхъ дарвазцевъ не рѣшается на переселеніе въ болѣе богатую часть ханства.

Отсутствіе питательной пищи, повидимому, вредно отзывается на здоровьи жителей: они блѣдны, худы, малокровны и недолговѣчны; глубокая старость наступаетъ уже въ 45—50 лѣтъ.

О сравнительной трудности Дарвазскихъ дорогъ я уже говорилъ выше; теперь останавлиюсь на главныхъ направленіяхъ путей. По обоимъ берегамъ Пянджа идутъ дороги, пригодныя частью

для пѣшаго, частью же для коннаго движенія, но во всякомъ случаѣ безъ вьюковъ. Кажется, зимой, судя по свѣдѣніямъ туземцевъ, качество береговыхъ дорогъ во многихъ мѣстахъ улучшается, благодаря пониженію уровня воды и мѣстнымъ замерзаніямъ Пянджа. По ущельямъ дороги еще хуже, просто-на-просто скверныя пѣшія тропинки. Съ внѣшнимъ міромъ Дарвазъ соединенъ: съ Бадахшаномъ¹⁾ одной дорогой черезъ Ишъ и то не вьючной и можетъ быть еще по р. Таньшіу черезъ оз. Шива къ Файзабаду, но послѣднее предположеніе сомнительно; если и есть проходъ, то его нельзя считать сколько нибудь возможной дорогой. Черезъ сѣверный же Дарвазскій хребетъ проходятъ три дороги, сравнительно сносныя.

Изучивши, даже приблизительно, орографію Дарваза и пути сообщенія, становится совершенно понятно, почему южный и сѣверный Дарвазъ составляетъ въ политическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ одно цѣлое и почему съ присоединеніемъ къ Бухарѣ сѣвернаго Дарваза и лѣвый берегъ сталъ фактически и неоспоримо владѣніемъ Бухары: сообщеніе съ одного берега Пянджа на другой всегда и вездѣ для привычнаго туземца возможно, а зимой во многихъ мѣстахъ совершенно безпрепятственно, сообщеніе же горнаго Дарваза съ Бадахшаномъ, т. е. съ владѣніями афганцевъ, возможно въ продолженіи двухъ — трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ черезъ одинъ только и то еле доступный перевалъ. Обратно, если бы было сомнѣніе въ существованіи южно-Дарвазскаго хребта, то самъ по себѣ нынѣшній политическій строй южнаго Дарваза и его принадлежность Бухарѣ подсказываютъ, что есть какая-то преграда и гигантская, которая мѣшала и мѣшаетъ Бадахшанскимъ узбекамъ и афганцамъ покорить своихъ сосѣдей. Если-бы не было хребта, что бы заставило ихъ, людей воинственныхъ, покорившихъ Шугнанъ и Рошанъ, оставить сравнительно небольшой клочекъ земли на лѣвомъ берегу Пянджа, составляющаго юридическую границу между Бухарой и Афганистаномъ, во владѣніи бухарцевъ, и какъ увидимъ дальше, подобныя попытки были, но всегда оканчивались неудачей. Съ праваго берега Пянджа намъ видны были пики: Мадуть, Патъ, Кухъ-Ша и Газъ-Дари, которые, будучи нанесены на планъ инструментально, при помощи легкой мензулы, опредѣлили положеніе хребта, дополненное разспросомъ о перевалѣ Ишъ.

Дарвазъ, до покоренія его бухарцами, имѣлъ своего независи-

¹⁾ Свѣдѣнія разспросилъ.

мага правителя, жившаго въ Кала-и-Хумѣ, которому подчинялись миры (амлякдарства) праваго берега: Зыгарь, Кала-и-Хумъ и Язгуламъ и лѣваго: Хохонъ, Кудръ, Шикай, Мой-Май (Дарвазъ) и Джумарчъ, кромѣ того, конечно, и миры по теченію Хингау. Правители миръ именовались ша, въ лицѣ которыхъ сосредоточивалась власть свѣтская и духовная.

Послѣдній самостоятельный правитель Дарваза былъ Сирошъ-Ханъ и наиболѣе вліятельные ша были его родственники: Хохонскій—Изатемъ, Куфскій—Альфансъ и Шикайскій—Азимъ. Когда, лѣтъ 13 тому назадъ, Дарвазъ былъ занятъ бухарцами, пришедшими въ Кала-и-Хумъ изъ Гарма черезъ Сагры-Даштскій перевалъ подъ начальствомъ бухарскаго сановника Худеяръ-Низаръ Атталыка ¹⁾, то Сирошъ попался въ плѣнъ и былъ отвезенъ въ Бухару, а родственники его разбѣжались, причемъ Альфансъ и Изатемъ ушли въ Афганистанъ. Лѣтъ пять спустя, Альфансъ подговорилъ бадахшанцевъ помочь ему завладѣть потеряннымъ въ Дарвазѣ. Онъ прошелъ черезъ Ишскій перевалъ, направляясь къ Кудру, но новый дарвазскій бекъ Махметъ-Мурадъ бей (правилъ бекствомъ и въ 1886 году) вытѣснилъ Альфанса и преслѣдовалъ его, по его разсказу, даже въ предѣлахъ Бадахшана, занялъ крѣпость Рагъ и угрожалъ идти на Файзабадъ, требуя выдачи бунтовщика. Бадахшанцы выдали Альфанса, котораго Махмедъ-Мурадъ зарѣзалъ. Судьба Азимъ-Хана неизвѣстна: предполагаютъ, что онъ гдѣ-нибудь погибъ. Изатемъ и теперь живетъ въ Файзабадѣ. Въ настоящее время дарвазцы довольны своимъ положеніемъ, о прошломъ не горюютъ. Управляются бекомъ и амлякдарами, преимущественно изъ узбековъ.

Приближаясь къ Рошану, мы узнали, что граница его съ Дарвазомъ идетъ по правому берегу Пянджа, черезъ урочище Шинатъ, нѣсколько восточнѣе Язгулама, а на лѣвомъ по р. Таньшіу, причемъ туземцы указывали, что рѣки эти вытекаютъ изъ урочища Шива. Знакомое названіе озера, которымъ такъ интересуются географы и наши, и англійскіе, заставило меня подробнѣе заняться этимъ вопросомъ. Долго не могъ я ни отъ кого ничего добиться: одни увѣряли—и большинство—что Шива—это какая-то громадная снѣжная равнина, куда почти никто изъ туземцевъ не можетъ проникнуть; будто эта равнина кругомъ обставлена горами, никто не могъ указать, кому Шива принадлежитъ—Шугнану, Рошану или Бухарѣ.

¹⁾ Высшее военное званіе, нѣчто въ родѣ фельдмаршала.

Наконецъ, возлѣ Куркована нашелся одинъ старый узбекъ, который лѣтъ 10 тому назадъ прошелъ изъ Файзабаза по ущелью р. Саргуламъ черезъ Шива и по р. Таньшіу спустился къ Пянджу. Разстояніе въ 100 — 120 верстъ онъ шелъ 12 дней, причемъ 8 — 9 дней находился вблизи снѣга (лѣтомъ въ іюнѣ мѣсяцѣ), на первыхъ же переходахъ бросилъ лошадь и карабкался по страшнымъ кручамъ, рискуя свалиться и погибнуть отъ голода, такъ какъ къ концу пути всѣ бывшіе у него запасы истощились. Судя по рассказамъ старика, я вывелъ слѣдующее заключеніе: Шива есть озеро около 10 верстъ ширины и 15 длины на высотѣ 11—12 т. ф., такъ какъ на немъ въ іюнѣ мѣсяцѣ плавали льдины, кругомъ обставлено горами и выпускаетъ изъ себя три рѣчки: Таньшіу, идущую на границѣ Дарваза, Иваръ, впадающую въ Пянджъ, возлѣ Бар-Пянджа (главный городъ Шугнана) и Саргуламъ, которая протекаетъ къ Файзабаду: разстояніе оз. Шива отъ Пянджа около 40 верстъ.

Результаты командировки моей въ предѣлы Бухарскаго ханства выразились въ слѣдующемъ:

1) Обнаружено, что южный Дарвазъ, составляя одно цѣлое съ сѣвернымъ, находится подъ властію бухарскаго эмира.

2) Пройденъ и снятъ инструментально почти весь путь по правому берегу Пянджа въ Дарвазѣ.

3) Составлена частью по съемкѣ топографа Глаголева, частью же по разспросамъ, карта Бухарскихъ владѣній на лѣвомъ берегу Пянджа.

4) Произведена полу-инструментальная съемка 1000 линейныхъ верстъ пройденныхъ нами въ предѣлахъ ханства путей, изъ нихъ около половины въ первый разъ.

5) Составленъ краткій очеркъ Центральной Бухары съ маршрутнымъ описаніемъ 2.000 верстъ пути.

6) Определена съ помощью анероида высота 43 пунктовъ, изъ нихъ 20 пунктовъ определены въ первый разъ.